Сергей Зызаров (г.Нижний Новгород)

Чтобы помнили
Нас погода динамит по-чёрному,
Жить обманом сегодня с руки.
В темноте за душою зашторенной
Не живут лишь теперь дураки.

Кривда высится сахарной глыбою,
Ну а правда похожа на бред.
И когда я стою перед выбором,
Настоящего выбора нет.

С декабрём нудным плакаться впору мне.
От унылых дождей он раскис.
Закидать бы его помидорами,
Зиму русскую вызвать на бис.

Чтоб нам снегом до лучшего времени
Занесла она слякоть и грязь,
По окошкам чтоб кистью серебряной
Рисовала узорную вязь.

Чтобы крыла шальная метелица
Снежным матом желейную хмарь...

Дворник Митрич — сосед мой по лестнице
Раскурил свой АСТРАльный чинарь.

Он в угоду погодной истерике
Поменял БСЛ* на метлу
И к неведомым грёбаным веникам
Посылает тягучую мглу.

Он про зиму пикантным известием
Поделиться с прохожими рад:
Мол, вступал он с холодной той бестией
В очень близкий интимный контакт.

На меня смотрит взглядом пронзительным,
Словно в душу стреляет в упор.
Хриплым басом своим доверительно
Затевает иной разговор.

Он хрипит, что мир полон страдальцами,
Чей удел лишь считать барыши,
Что давно уже нужно заняться мне
Генеральной уборкой души:

"Ты истёртой метёлкою совести
Из души своей нечисть гони,
Выметай все смердящие подлости,
Всю замшело-тоскливую гниль."

Я в ответ улыбаюсь сконфуженно.
В горле слёзы и горечь вины.
Знаю, Митрич немного контуженный
Возвратился с афганской войны.

Словно к солнцу, к общенью он тянется
И молчаньем его не смутишь,
Разбудить в моём сердце пытается
Гробовую дремотную тишь:

"Мне казалось, что выбора не было,
На войне той закон был таков:
Там враги, жаждой мести ослеплены,
Нет там женщин, детей, стариков...

Жизнь по курсу не мерили центами,
(Ей цена там хрен целых и треть)
Но долги мы платили с процентами

По счетам: кровь за кровь, смерть за смерть.

Где бы взять на земле это снадобье,
Чтобы ненависть вылечить вдруг?
Кишлаки накрывали мы ГРАДами*,
Замыкая кровавый тот круг.

Смерть гуляла с ухмылкою мерзкою
Там средь кровью помеченных скал...
У войны, Серый, личико зверзкое,
А точней — сатанинский оскал.

Часто вижу я сны тёмно-красные...
Видно, скоро держать мне ответ
За ту кровь, что пролили напрасно мы,
За державу, которой уж нет.

Может снится, а может быть, спятил я —
Наяву вижу чёрную быль,
Как встречают солдатские матери
Груз "двухсотый" — из цинка гробы.

Не ходок по церквам и мечетям я.
Жить приятнее с чёрной тоской.
Адским пламенем в сердце помеченный,
Я нигде не найду свой покой.

А вообще, человечек я скромненький.
И плевать я хотел на все сны,
Но хочу всё ж, чтоб помнили подвиги
И позор той забытой войны.

Ты прости, что достал разговорами.
Молчалив я обычно и тих...
Слушай, Серый, а было бы здорово,
Коль черкнёшь ты про это свой стих!"

Вновь в ответ улыбаюсь сконфуженно:
"Я же так... для души... не поэт".
"Да, ты прав — мы людишки ненужные…
Ну, на "нет" и суда, значит, нет!"

Он стоял в ожиданьи по-прежнему
И сказал вдруг, как шилом прошил:
"Для души ты писюкаешь ежели,
Для неё для родной и пиши!"

И, тряся своей шапкой засаленной,
Выдал мне на прощанье прогноз:
"Звёзды в серости выжгли проталины,
Звезданёт, значит, скоро мороз!"

_____
БСЛ — большая совковая лопата.
"ГРАД"— реактивная система залпового огня.

Память
Сквозь века будет в памяти жить
И звонить в сердце вечным набатом,
Светлой аурой в небе кружить
Ратный подвиг простого солдата.

Мы сберечь эту память должны
Негасимым огнём нашей крови.
Мы — осколки великой страны,
Мы — потомки великих героев!

Вдоль дороги солдатский погост.
Здесь бои громыхали когда-то,
Здесь шагали на смерть в полный рост
Нашей славной России солдаты.

На высотке здесь лёг целый взвод,
Защищая родимые пашни.
А теперь водят свой хоровод
По лугам полевые ромашки.

Здесь стонала от взрывов земля
И трава покраснела от крови,
А теперь шелестят тополя
Изумрудной весёлой листвою.

Здесь с отчаянным русским "Ура!"
Взвод сошёлся с врагом в рукопашной...
Помнит братский высокий курган
Тех героев, за Родину павших.

Помнит он, как солдаты сквозь мрак,
Со штыком и с сапёрной лопатой,
Шли на смерть, чтоб приблизить на шаг
Тот победный салют в сорок пятом.

И с тех пор той войны злая гарь

Оседает в сердцах наших болью.
Щедро залит победы алтарь
Горьким потом и алою кровью.

Эта боль никуда не уйдёт,
В сердце вечным огнём полыхая.
Пусть в веках этот праздник живёт —
День Победы — Девятое Мая!

В переходе
Дождь холодный по стеклу,
Струи в сумрак обмакнув,
Накарябал,
Что не стоит ждать тепла,
Грусть без спроса к нам пришла;
И октябрь

Под синичий пересвист
Преподносит нам сюрприз
Первым снегом.
Под ногой печали хруст,
Но придумана та грусть
Человеком.

Ночь набросила чадру
И синоптики хандру
Нам пророчат.
Всем прогнозам вопреки
Обойдусь я без тоски
Этой ночью.

Я по лужам пру, как танк
На гордеевский пятак
К переходу.
Под землей в толпе людской
Нахожу я свой покой
И свободу.

Там средь нищих и барыг
Гармониста светит лик
Светофором.
Веселит честной народ,
На печаль-тоску кладет
С перебором...

Я шагаю как во сне,

Скрипка щедро сыпет мне
В душу счастье.
Разудалый гитарист
Греет публику на бис
Жаркой страстью.

Как июньский свет зарниц,
Словно сказочных жар-птиц
Села стайка,
Сердце лечит мне от ран
Русский солнечный бальзам —
Балалайка.

Сам маэстро виртуоз!
То нектаром чайных роз,
То полынью
Брызжет бог трёх чудных струн
Балалаечный Перун,
Паганини.

Подземелья чемпион
Колошматит струны он
Дланью бойкой.
Сквозь веселие и стон
Русь летит за ним вдогон
Струнной тройкой.

Как ученый важный кот,
Весь великий переход
Песнь заводит.
Отчего ж души причал
Заливает вновь печаль
Половодьем?

Я споткнулся об вопрос,
Словно в стенку разом врос
На расстреле.
В том вопросе боль и грусть:
Отчего живешь ты, Русь,
В подземелье?